

Александра Власова

**ВЕДЬМА АЛИКА
ПСИХОТЕРАПИЯ
ДЛЯ ДЕМОНОВ**

Москва

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445
В58

Серия «Другие миры»

Разработка серийного оформления *Евгения Антофия*

Иллюстрация на обложке *Бориса Аджиева*

*Выпуск произведения без разрешения издательства
считается противоправным и преследуется по закону*

Власова, Александра

В58 Ведьма Алика. Психотерапия для демонов: роман /
Александра Власова. — Москва: Издательство АСТ;
Издательский дом «Ленинград», 2024. — 352 с. — (Другие
миры).

ISBN 978-5-17-165963-9

Девушку по имени Алика травят в школе. Чтобы защититься, школьница врет, что она ведьма и может навести на обидчиков смертельную порчу. Кто бы знал, что одноклассники ей поверят и даже начнут обращаться за помощью!

Опираясь на книги по психологии, Лика начинает давать «магические консультации». Она уверена, что корень всех проблем не мистические проклятья и порча, а неверные выборы и ошибки.

Но что, если невинная ложь запустит цепочку событий, которая приведет девушку к встрече с настоящим колдовством, и однажды ей придется давать консультацию не человеку?

И кто тот таинственный юноша, что постоянно следит за Аликой?

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

ISBN 978-5-17-165963-9

© Александра Власова, 2024
© ООО «Издательство АСТ», 2024

Сколько себя помню, меня никогда не пугала темная сторона. С ней все понятно.

Гораздо больше в людях меня страшит светлая. Он дезориентирует. Мне страшно, когда девочки, превратившие жизнь некоторых одноклассниц в ад, подкармливают бездомного котенка. Или мать, ударившая мою одноклассницу, покупает ей дорогое платье или платье.

Посещает меня мысль: вдруг темная сторона привиделась? Или это был внезапно вселившийся демон, и человек, которого я посчитал ужасным, изначально был милым и добрым. Только раз оступился. Так как же сторона не стояла?

Запись из дневника
пятнадцатилетней ведьмы Алики

Глава 1

ПРОКЛЯТЬЕ

Н ши дни

Клиентка была ухоженная, умная, похожая на бизнесвумен, какими их рисуют в фильмах: волосы забраны в строгий пучок, на глазах модные очки, юбка чуть выше колен. Пахнет от женщины корицей. Между работой и походом к ведьме Алике она пекла пирожки для детей и мужа. Колдунье клиентка сразу понравилась.

Как только женщина вошла и уселась за стол, сразу начала беззвучно плакать, аккуратно прикрыв ухоженное лицо бумажным платочком.

— На всем нашем роду проклятье! Я пыталась его снять: и в церковь ходила, и молитвы читала. И даже пробовала обратиться к бабке-ворожее, она свечку подержала да что-то над моей головой пошептала! Ничего не помогает!

— Проклятье? — Ведьма иронично приподняла бровь. Судя по дорогому парфюму, дорогой сумочке, холеному личику и прочему благополучию, женщина не казалась ни несчастной, ни проклятой. Но что-то грызло ее изнутри острыми крысиными зубками. Что-то давнее, темное. То, что давно пора отпустить.

— Да, — призналась женщина, опустив усталые глаза, — я прокляла родную сестру.

И начала рассказ.

В детстве я была неуклюжей, смешной и полненькой. А Аня, так зовут мою сестру, не оставляла случая самоутвердиться за мой счет и постоянно выставить меня дурочкой перед своими друзьями.

— А сколько будет корень из четырех? — спрашивала сестренка приторно-ласковым голоском.

Я не знаю, ведь корни проходят только в седьмом классе, а я только в третьем.

— Дуреха! — смеются ее друзья и поклонники.

— Я не дуреха, — краснею, готовясь вот-вот разреветься.

— Раз ты не дуреха, скажи, сколько у тебя хромосом? Сорок шесть или сорок семь? — доверительно заглядывая в глаза, спрашивает Анька.

Чувствую, вопрос с подвохом. Главное — не прогадать. Почему-то кажется, чем больше хромосом (даже толком не знаю, что это такое), тем лучше.

— Сорок семь! — выдаю я, гордясь собственной сообразительностью.

Друзья сестры взрываются таким хохотом, что трясется люстра на потолке.

— А ты не дауненок, случайно? Может быть, наши родители что-то недоговаривают! Смотри-те-ка, и рот у нее приоткрыт! Точно, ты даун!

Измывательства продолжались так долго, что Аня умудрилась убедить всех детей, с которыми мы общались, что я — альтернативно одаренная. При взрослых она лицемерно изображала идеальную сестричку, нежную и заботливую до приторности.

Но стоило старшим отойти, в ней просыпалась иная натура. Было в сестре нечто гадкое, изобретательно-злое.

Она ябедничала на меня взрослым, рассказывая обо мне всякие небылицы, в которые любому адекватному человеку сложно поверить. Но роди-

тели верили, и каждый раз после Анькиных кляуз следовало неизбежное наказание.

Сестрица портила мои вещи — рвала одежду, кофточки и блузки, а однажды даже разрезала ножом моего любимого плюшевого медвежонка — подарок мамы на день рождения.

Сейчас я понимаю, почему Анька так себя вела. Наша мать развелась с Анькиным отцом, вновь вышла замуж и родила меня, и Анька, когда-то избалованная всеми принцесса, страдала от острой нехватки внимания.

Идти против отчима она боялась, поэтому отрывалась на самом незащитном члене семьи со всей изощренной жестокостью подростка.

Когда Аньке стукнуло четырнадцать, к всеобщему облегчению, сестра переехала в Москву к своему папе. Он пристроил дочку в престижную математическую гимназию. Сестренка, несмотря на скверный характер, неплохо соображала. В столице было больше развлечений и перспектив, и Аня считала себя выше того, чтобы остаться в нашем захолустье.

С тех пор мое детство стало беззаботным и счастливым.

Я вспоминала Аньку как наваждение, страшный сон, приснившийся из-за того, что за окном бушует гроза, в то время как в самом доме тепло и уютно.

Память имеет свойство сглаживать все дурное. Аня звонила несколько раз в неделю маме, щебетала в трубку нежности и каждый раз просила к телефону «любимую сестричку».

На словах мы были лучшими подругами, и ужасы раннего детства начали забываться.

Потом я подросла, увлеклась психологией. Много читала об экспериментах, подтверждающих то, что детская память — вещь ненадежная.

Воспоминания не хранятся в мозгу как фотографии в старом альбоме. Каждый раз наш разум заново разыгрывает историю на внутреннем экране сознания. И невольно «переписывает» ее по мелочи, в зависимости от того, что происходит с человеком сейчас.

Повзрослевшие дети, которые считают, что над ними издевались, часто это выдумывают, не со зла, просто психика так устроена. Под обвинения попадают мамы и папы, сестры и братья, тети и дяди.

Может быть, все было не так уж жестоко? Что, если я что-то дофантазировала, в чем-то преувеличила?

Из каждого утюга неслись пламенные речи о необходимости прощать. В конце концов, Аня была ребенком. Даже если то, что я помню, отчасти правда, нужно давать людям второй шанс.

Когда она приехала в город вновь, мне было пятнадцать, а Ане уже стукнуло девятнадцать. Вы удивитесь, как так вышло, что мы с сестрой не виделись больше четырех лет?

Мама часто ездила к Ане в Москву, я же каждый раз находила убедительную «отмазку» для того, чтобы не видеться с ней. Если ничего не получалось придумать, перед самой поездкой у меня внезапно поднималась температура.

— Жалеешь, наверное, что не поедешь? Скучаешь по сестренке? — сочувственно гладила лобик мама.

— Скучаю! — вздыхала я. Мы так долго изображали прекрасных сестер, что я себе практически верила.

Поэтому, когда настал день икс, я вместе с семьей поехала встречать Аньку на вокзал, и, когда с поезда сошел не гадкий утенок, а прекрасная молодая леди, я сделала то, чего так ждала мама, — бросилась Аньке на шею.

Аня очень изменилась, никаких колкостей или издевок, сама элегантность, грация и красота. На радость маме мы делали то, что и положено сестрам, — гуляли в парке, уплетая сахарную вату, катались на аттракционах и ходили в кино.

Через неделю я начала понемногу ей доверять. А через две — после некоторых колебаний, отважилась сделать то, чего категорически делать не следовало, — познакомить Аньку с друзьями.

Признаюсь, уже тогда я испытывала едва заметную тревогу. Объясняла себе это тем, что переживаю за Аню.

Вдруг сестренка начнет вести себя так, как раньше, или не впишется в нашу компанию. Все-таки разница в возрасте и интересах давала о себе знать.

Но Анька быстро развеяла все опасения: она была мила и обворожительна со всеми, включая меня: делилась байками из студенческой жизни, которая нам казалась очень «взрослой», высмеивала надменных богатеньких однокурсниц и болтала о любовных приключениях, которые ей уже довелось пережить.

Уже через несколько вечеров сестра стала душой компании.

Однако тревожное предчувствие, не покидающее с самого начала, только росло. Оно жило у меня под кожей и, как прозорливый хищный зверь, поглощало всю радость.

Так во время первых сцен фильма ужасов, когда ничего страшного еще не происходит, герой только въезжает в старый особняк, распаковывает вещи, а по спине зрителя уже бегут мурашки.

Говорила я раньше, что Анька была ужасно внимательной и хорошо понимала людей?

Оказалось, она подмечала всё: то, как я смотрю на Пашу, а затем отвожу глаза и мучительно

краснею. То, как он мнетя, когда обращается ко мне, и с трудом находит слова.

— Ты его любишь? — спросила сестра по дороге домой, доверительно заглянув мне в глаза. — Скажи, любишь его или нет?

Я промолчала. Будто внутри зажегся красный сигнал светофора — остановись! Аньку мои сомнения, казалось, изумили до глубины души.

— Я же твоя сестра! Самый близкий на земле человек!

Аня нежно взяла меня за руку. Ее ладонь была теплой и такой родной — как у мамы.

— Вместе мы что-нибудь придумаем. Я помогу, обещаю.

Я кивнула, слезы стыда и облегчения покатились из глаз. Эту любовь я носила годами, баюкала ее как больного ребенка, не решаясь рассказать о тайном чувстве никому, даже маме. А Анька легонько гладила меня по спине.

— Ну что же ты плачешь, дуреха? Я с ним поговорю, слышишь? Он тебя тоже любит, надо лишь сделать шаг навстречу, и вы непременно будете вместе!

Тогда я была даже рада, что ей доверилась, нерасказанная тайна жгла гортань. На секунду показалось, умница-сестренка все устроит.

Весь следующий день я была как на иголках. Анька же оставалась собой — веселой, собранной и спокойной. Она сказала, поговорит с Пашей в парке, подберет нужные слова, которые уже много лет не могла подыскать я (в этом Аня действительно была мастерица), чтобы не смутить его и заставить признаться в чувствах.

Меня она просила подойти к трем часам. Я пыталась читать, рисовать (тогда ходила в ИЗО-студию), но кисти валялись из рук, а слова не хотели складываться в предложения. Я не смогла ждать

трех, в два тридцать уже была у скамейки, где мы должны были встретиться.

То, что случилось дальше, было ужасно, но вы должны понять и меня. Увиденное меня уничтожило. Анька целовалась с Пашкой взахлеб, смакуя каждый момент, упиваясь его внезапно вспыхнувшей страстью.

Не могу допустить, чтобы ей, девятнадцатилетней королеве, действительно нравился робкий долговязый подросток.

Не знаю я, зачем ей это было нужно. Доказать свое, и без того очевидное, превосходство?

Анна одарила меня взглядом победительницы. Засмеялась:

— Смотри, подошла дуреха! Дуреха!

Паша что-то кричал, клялся, что я все «не так поняла», а Аня всего лишь хотела научить его целоваться, чтобы он не ударил передо мной лицом в грязь. Не хотел, чтобы все зашло так далеко!

Но я убежала, закрылась в комнате, отказываясь выходить, даже когда родители пригрозили, что накажут меня за «плохое поведение», как в раннем детстве. И тогда я от всей души прокляла родную сестру.

— Пусть она будет тупой и толстой, слышите? Тупой и толстой! — повторяла я весь вечер и весь день, всю неделю, сглатывая соленые слезы.

Я твердила это до тех пор, пока Анька не убралась из нашего дома в блестящую расфуфыренную столицу.

— И что же? Анька стала такой? — спросила ведьма.

Клиентка интенсивно закивала:

— В том-то и дело, что стала!

Ведьма взглянула на фотографию Аньки. Из гимназии ее исключили на следующий же год,

несмотря на связи отца. Взрослые не стали говорить об этом второй девочке, чтобы не делать из сестры негативный пример.

Вес Аня начала набирать уже в девятнадцать лет, просто клиентка, опьяненная эффектом ореола, этого не заметила. Правду сказать? Не поверит. Будет бегать по экстрасенсам, магам, ведунам, шарлатанам...

Ведьма идет на кухню, заваривает чай с кусочком лимона, корицей и летними ягодами. Что-то шепчет над кружкой. Приносит женщине.

— Вот средство против проклятий.

— Это же просто чай!

— Такая маскировка, милочка, — ухмыляется ведьма. — Это настоящее зелье! Главное, кто готовит да с каким посылом. Если бы тут плавал чей-то глаз и хвост летучей мыши, на вас это произвело бы более сильное впечатление?

Клиентка смеется, с опаской подносит чашку к губам. Делает первый глоток, чувствует, как в груди разливается блаженное тепло. От чувства вины и старых обид — в самый раз. Денег Алика не взяла.

— Люблю я снимать проклятья! По душе мне такая работенка, — улыбнулась ведьмочка во весь рот. — Дальше ее вес уже на ее совести!

— А сестренке что передать? — спрашивает клиентка у самых дверей.

— Поменьше мучного, девочка, — хитро улыбнулась ведьма Алика. — Поменьше мучного!

Пять лет н з д

Алика

«Сколько себя помню, меня всегда удивляли человеческие предрассудки. Почему пове-

ритель в злых духах, порчи и проклятья легче, чем в естественный ход событий?»

Я вздыхаю, откладываю телефон с заметками в сторону. Наверное, это не то, над чем должна задумываться пятнадцатилетняя девочка. Но мне больше нечем заняться. Та, что столь сильно добивалась встречи со мной, опаздывает.

Я сижу в пустом кабинете, листаю учебники по психотерапии, записываю мысли в заметке на телефоне. Каждый день с часу до трех кабинет пустует. Считается, что учительница истории и по совместительству классная руководительница проводит здесь факультатив.

Вначале так все и было. Но очень скоро наши занятия стали проходить примерно так: классная с явным наслаждением скидывала туфли с миниатюрных ножек, откидывалась на спинку стула и жалобно спрашивала:

— Может быть, вы сами что-нибудь почитаете?

Никто не осуждал молодую учительницу. Ей и так приходилось несладко: Вероника Геннадьевна недавно закончила университет, пришла к нам вся восторженная, готовая нести «свет знаний», но реальная работа в школе явно отличалась от ее фантазий. Здесь была и травля изгоев, которую она не могла остановить, и сложные подростки, готовые спорить с каждым словом девушки, и хулиганы.

На лице учительницы застыло выражение недоумения, словно Вероника Геннадьевна до сих пор не совсем поняла, где она очутилась, а золотистые кудряшки вокруг лица придавали сходство с беспомощным ангелком.

Школа не место для таких хрупких созданий.

Вскоре Вероника Геннадьевна вовсе перестала приходить на внеклассные занятия. Официально

считалось, что факультатив все еще проводится, и дверь остается открытой.

Желающих посетить пустой кабинет было немного. Поэтому лучшего места для моих целей было не найти.

Поглядываю на часы. Девушка, которая подложила в пенал записку, умоляя о встрече, явно не торопится. Она писала, что ни за что не потревожила бы меня, не случись что-то из ряда вон выходящее! Записка написана печатными буквами, чтобы в случае «утечки информации» никто не мог разгадать почерк.

Начинает глодать любопытство. Чувствую себя Шерлоком Холмсом, к которому обратились с очередным делом. За дверью слышатся шаги. Походка легкая, женская. Я напрягаюсь. Вдруг Вероника Геннадьевна решила вспомнить о своих обязанностях?

На пороге появляется староста Женька. Первая мысль: «Заложит учителям». Но, кажется, можно расслабиться, она пришла сюда явно не для того, чтобы устроить облаву. Щеки девочки пылают трогательным румянцем, от этого одноклассница кажется смущенной, будто девочка из аниме. Она нервно теребит в руках ластик и отводит глаза.

Я не привыкла видеть Женю такой. Обычно она собранная, спокойная, готова в любой момент ответить преподавателю. Сейчас Женька оглядывается, будто готовясь сорваться и убежать, но затем пересиливает себя и входит в кабинет.

Итак, что за секреты могут быть у нашей уминицы и отличницы? Да еще те, что требуют вмешательства сверхъестественных сил?

— Мне говорили... ты ведьма, — запинаясь, выдает одноклассница.